

**АНТОНИО
ФОГАЦЦАРО**

PEREAT
ROCHUS

Антонио Фогаццаро

Pereat Rochus

Аннотация

«— Знаменательный случай, дон Рокко, – сказал в четвертый раз профессор Марин, с блаженной улыбкою собирая карты в то время, как его сосед справа яростно нападал на бедного дона Рокко. Профессор бесшумно смеялся над ним, и глаза его блестели добродушною веселостью; затем он обратился к хозяйке дома, дремавшей в углу дивана...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Антонио Фогаццаро

Pereat Rochus

I

– Знаменательный случай, дон Рокко, – сказал в четвертый раз профессор Марин, с блаженною улыбкою собирая карты в то время, как его сосед справа яростно нападал на бедного дона Рокко. Профессор бесшумно смеялся над ним, и глаза его блестели добродушною веселостью; затем он обратился к хозяйке дома, дремавшей в углу дивана:

– Знаменательный случай, графиня Карлотта!

– Я поняла, – ответила синьора. – Но, по-моему, пора вам перестать смеяться. Неправда ли, дон Рокко?

– Нет, дон Рокко, – не унимался профессор. – Если хорошенько разбудить, то этот случай достоин обсуждения в Совете.

– Еще бы! – сказал сосед справа.

Дон Рокко, красный, как рак, запустил два пальца в табакерку и молчал, понурился головою и печально нахмурил лоб, подставляя буре свой голый блестящий череп и бросая изредка косою взгляд на несчастные карты. Когда он услышал, что страшный партнер заговорил о Совете, ему показалось, что дело переходит в шутку; он улыбнулся и вынул двумя

пальцами щепотку табаку.

– Вы еще смеетесь! – воскликнул неумолимый профессор. – Не знаю, сможете ли вы завтра утром спокойно служить обедню, после того, как проиграли сегодня такую крупную сумму в карты.

– Ну, конечно, смогу, – пробормотал дон Рокко, снова хмуря брови и приподнимая немного свое доброе, простое лицо. – Всем случается проигрывать. Он тоже проигрывает, да и вы, вероятно, тоже иногда.

Его голос напоминал мычанье спокойного животного, рассердившегося несмотря на свою кротость. В глазах профессора светился смех.

– Вы правы, – сказал он.

Игра была окончена, и партнеры встали.

– Да, – сказал профессор с притворною серьезностью: – случай с Сигизмундом более сложен.

Дон Рокко улыбнулся, зажмурил свои маленькие блестящие глаза, наклонил голову со смешанным чувством скромности, волнения и благоволения и проворчал:

– Вы и этого не оставите в покое!

– Видите, – добавил профессор: – я имею верные сведения. Речь идет, графиня, об одном вопросе, который дон Рокко должен будет разрешить на предстоящем Совете.

– У нас тут не собирается Совет, – сказала графиня. – Перестаньте.

Но не так-то легко было вырвать жертву из когтей про-

фессора.

– Не будем больше говорить об этом, – сказал он спокойно. – Только знаете, дон Рокко, я не согласен с вами по этому вопросу. По-моему, *percat mundus*.

Дон Рокко сердито нахмурил лоб.

– Я ни с кем не говорил об этом, – сказал он.

– Дон Рокко, вы сболтнули свое мнение, я знаю это, – продолжал профессор. – Имейте терпение выслушать меня, графиня, и посудите сами.

Графиня Карлотта не желала ничего слышать, но профессор стал, ничуть не смущаясь, излагать случай с Сигизмундом в такой форме, как он обсуждался в епископской курии.

Некий Сигизмунд внезапно почувствовал себя не хорошо и пожелал исповедаться. Как только он остался наедине со священником, он поспешил сказать, что был подстрекателем одного человека к убийству. Произнеся эти слова, он лишился сознания. Священник не знал, считать это признание за исповедь или нет, и не мог предупредить преступление и спасти находившуюся в опасности человеческую жизнь иначе, как воспользовавшись сделанным ему признанием. Должен он был сделать это или допустить убийство?

– Дон Рокко, – закончил профессор: – полагает, что священник должен поступить, как карабинер.

Бедный дон Рокко, которому совесть не позволяла обсуждать этот вопрос в светском обществе, но который уважал своего мучителя, пожилого священника и профессора в епи-

скопской семинарии города П., смущенно бормотал извинения:

– Нет... дело в том... я говорю... мне казалось...

– Я удивляюсь, что вы извиняетесь, дон Рокко, – сказала синьора. – Как вы можете принимать в серьез шутки профессора?

Тот запротестовал и стал ловкими вопросами донимать дону Рокко, постепенно выгоняя из его головы смесь верного инстинкта и неверных рассуждений, безцеремонно очищая его голову от всех неправильных выводов и от всякого здравого смысла и доводя его до полного отупения и покорного раскаяния. Но это продолжалось недолго, потому что синьора попросилась со своими гостями под предлогом, что было уже одиннадцать часов, и задержала только дону Рокко.

Графиня Карлотта, назначившая его несколько лет тому назад на пост священника церкви Св. Луки, составлявшей ее собственность, держала себя с ним с важностью епископа, и молодой священник по простоте ума и кротости сердца переносил это со святою покорностью.

– Вы сделали бы много лучше, дорогой дон Рокко, – сказала она, оставшись с ним наедине: – если бы меньше занимались делами Сигизмунда и больше думали о своих.

– Почему? – спросил дон Рокко в изумлении. – Я ничего не понимаю.

– Конечно! Городская Управа понимает, а вы ничего не понимаете.

В глазах синьоры ясно выразилось добавление к ее словам: бедный дурачок! Дон Рокко замолчал.

– Когда вернется Лючия? – спросила она.

Лючия была прислуга, которую дон Рокко отпустил на четыре-пять дней домой в деревню.

– В воскресенье, – ответил он. – Завтра вечером. Ах, вот в чем дело! – воскликнул он вдруг с улыбкою, радуясь своей понятливости. – Теперь я понял, теперь я знаю, что вы хотите сделать. Но это неправда, все это неправда.

Он понял наконец, что речь шла о местных сплетнях относительно амурных сношений его прислуги с неким Моро, настоящим негодяем, давно знакомым с судом и соединявшим дьявольскую хитрость с дурными наклонностями и огромною физической силою. Некоторые полагали, что он был не совсем скверный человек, но что нужда и дурное обращение несправедливого хозяина толкнули его на дурной путь. Однако, это не мешало всем кругом сильно бояться его.

– Все это неправда? – возразила синьора. – В таком случае я не знаю, что скажут в городе, когда у прислуги священника будут неприятности.

Дон Рокко взбесился и сделал страшное лицо.

– Все это неправда – сказал он резким и решительным тоном. – Я самолично расспросил ее, как только услышал эти сплетни. Все это только людская злость. Она даже не видит никогда этого человека.

– Послушайте, дон Рокко, – сказала синьора. – Вы очень и

очень добры. Но раз уже мир так устроен, и это дело возбуждает скандальные толки, то предупреждаю вас, что в случае, если вы не решитесь сейчас же прогнать эту женщину, то я буду вынуждена принять какое-нибудь серьезное решение.

– Как угодно, – сухо возразил священник – я должен быть справедливым, неправда ли?

Графиня поглядела на него и сказала с некоторою торжественностью:

– Хорошо. Я понимаю это так, что вы подумаете сегодня ночью и дадите мне завтра окончательный ответ.

Она позвонила, чтобы велеть принести дону Рокко фонарь, потому что на улице было очень темно, но, к ее великому удивлению, дон Рокко осторожно вытащил фонарик из заднего кармана своей рясы.

– Что вы наделали? – воскликнула синьора. – Вы, наверно, запачкали мне стул!

Она встала, несмотря на уверения дона Рокко, и, взяв одну из свечей, горевших еще на ломберном столике, наклонилась поглядеть на злополучный стул.

– Этакий вы, право! – сказала она. – Понюхайте-ка! Не только запачкан, но совсем испорчен!

Дон Рокко тоже наклонился, уставился, нахмутив брови, на большое жирное пятно, красовавшееся на сером холсте, точно, черный остров, глубокомысленно прошептал: «о, да!» и застыл в немом созерцании.

– Теперь ступайте – сказала синьора. – Что сделано, то

сделано.

Казалось, что дон Рокко дожидался разрешения поднять нос, опущенный над стулом в наказание.

– Да, я пойду, – ответил он, зажигая фонарик; – потому что я один теперь дома и боюсь, не оставил ли я дверь отпертою.

И он мигом пожелал графине покойной ночи и исчез, даже не взглянув на нее.

Графиня была крайне изумлена.

– Боже мой, какой простак! – подумала она.

II

Была сырая и туманная ноябрьская ночь. Маленький дон Рокко семенил быстрыми неровными шажками по направлению к своей тихой обители при церкви Св. Луки; он шел, не останавливаясь, согнувшись в три погибели, болтая по воздуху руками и хмуря брови из-за скрипа камней под ногами на большой дороге. Он обдумывал слова синьоры Карлотты, и серьезный смысл их начинал медленно проникать в его тугий ум. Он обдумывал также будущее собрание Совета, *pergeat mundus* и плохо понятые им ловкие доводы профессора. Не готовое на завтрашний день объяснение Евангелия тоже заставляло его задумываться. Все эти мысли путались в его голове. Нельзя было осуждать бедную Лючию без веских доказательств. Синьора Карлотта была для него почти что повелительницей, но разве он мог забывать того, другого повелителя? *Nemo potest duobus dominis servire*; так гласит сегодняшнее Евангелие, дорогие братья.

Он также проиграл сегодня в карты, как всегда, и это придавало его мыслям несколько мрачную окраску, несмотря на его вошедшее в пословицу равнодушие ко всем мирским выгодам. Эта дыра в кармане, эта постоянная течь заставляла его задумываться. Разве не лучше было творить милостыню на эти деньги?

– Только и есть мне оправдание, – думал он: – в том, что

все пристают ко мне. Не для своего же удовольствия я играю.

Налево от дороги находилась темная бесформенная группа деревьев, от которой путь тихо поднимался по склону пологого холма к трем неровным кипарисам, черневшим на фоне неба. Там наверху среди черных кипарисов находилась одинокая маленькая церковь Св. Луки и прилепившийся к ней маленький монастырь, стоявший уже сто лет пустым. На невысоком холме, поросшем виноградниками, не было других зданий. Ни из монастыря, ни с луга, окружавшего маленькую церковь с кипарисами, не видно было большой дороги, а только другие холмы с приветливыми виноградниками, виллами и деревенскими домами; эти холмы являлись островами на огромной равнине, идущей от других далеких холмов к Альпам и теряющейся на востоке в испарениях невидимого моря. Простодушный священник синьоры Карлотты жил в монастыре совсем одиноко, подобно жрецу молчания, удовлетворяясь своим скудным содержанием и возможностью проповедовать в маленькой церкви до полного изнеможения, ходить на требы – днем на благословение бобов, ночью на помощь умирающим, – и собственноручно выращивать виноград; одним словом он был доволен всем, в том числе и безобразною старою девою, благодаря которой он покорно ел, пил и одевался, не обмениваясь с нею и десятью словами в год.

– Если я откажу ей, – думал он, поднимаясь между высокими живыми изгородями по тропинке, ведущей от большой

дороги к церкви Св. Луки: – то это погубит и обесчестит ее. Я не могу сделать этого по совести, потому что глубоко убежден в том, что это неправда. Да еще с этим Моро!

Часы на колокольне пробили одиннадцать. Дон Рокко вспомнил о проповеди, добрую четверть которой оставалось еще написать, и помчался, как только мог, вниз по лугу, окружавшему церковь, к воротам своего двора около колокольни в конце крутой тропинки. Он открыл ворота, дошел до середины двора и остановился в изумлении. В окнах его маленькой гостиной в первом этаже, служившей прежде трапезною для монахов, виднелся слабый свет.

Дон Рокко вышел из дому к графине Карлотте в четыре часа и не возвращался с тех пор домой. Следовательно он не мог забыть потушить лампу. Очевидно, что это была Лючия, вернувшаяся домой раньше обещанного срока. Дон Рокко не стал утомлять свой мозг иными предположениями и вошел в дом.

– Это вы, Лючия? – спросил он. Ответа не последовало. Он вошел в прихожую, заглянул в кухню и неподвижно замер на пороге.

Какой-то человек сидел у очага и грел вытянутые вперед руки над горячими угольями. Он обернулся лицом к священнику и сказал невозмутимым тоном:

– Ваш слуга, дон Рокко.

При свете коптившей керосиновой лампы на столе дон Рокко узнал Моро.

Он почувствовал, что у него слегка подкашиваются ноги и останавливается сердце. Он не шелохнулся и ничего не ответил.

– Присядьте, дон Рокко, – продолжал Моро, по-прежнему ничуть не стесняясь, точно у себя дома. – Садитесь тоже здесь. Сегодня, ведь, холодно и сыро.

– Да, сегодня холодно, – ответил Дон Рокко искусственно добродушным тоном – Сегодня сыро.

И он поставил фонарь на стол.

– Подите сюда, – продолжал тот. – Поставьте, я устрою вас сам поудобнее. – Он сходил за стулом и поставил его у очага рядом со своим.

– Пожалуйте, – сказал он.

Дон Рокко тем временем немного оправился от изумления и, страшно хмуря брови, пытался с трудом мысленно охватить все происходящее.

– Спасибо, – ответил он. – Я пойду, сниму плащ и сейчас вернусь.

– Положите плащ здесь, – возразил Моро повелительным тоном, не без некоторой поспешности, что весьма мало понравилось дону Рокко. Он молча положил на стол плащ и шляпу и уселся у очага рядом со своим гостем.

– Извините, что я развел здесь огонек – продолжал тот. – Я тут уже добрых полчаса. Я думал, что вы сегодня дома и занимаетесь. Сегодня, ведь, суббота, неправда ли? Вам, наверно, нужно говорить завтра свою обычную ерунду здеш-

ним мужикам?

– Объяснение Евангелия, вы хотите сказать? – с живостью ответил дон Рокко, не знавший страха на этой почве.

– Не сердитесь, – сказал Моро. – Извините, я тоже мужик и говорю, как умею, но с уважением. Не дадите ли мне щепотку табаку?

Дон Рокко подал ему свою табакерку.

– Контрабанда? – произнес тот, хитро подмигивая священнику. В их городке часто продавали табак, попадавший в Италию контрабандным путем.

– Нет, – ответил дон Рокко, вставая. – Может быть наверху у меня найдется сорт получше.

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, – поспешно сказал Моро. – Я возьму этого.

И, запустив три пальца в табакерку, он забрал целый фунт табаку и стал медленно понюхивать его, глядя на огонь. Угасающее пламя освещало его черную бороду, землистое лицо и живые и умные глаза.

– Теперь вы, наверно, согрелись, – рискнул было сказать дон Рокко после минутного молчания. – Вы можете пойти домой.

– Гм! – заметил тот, пожимая плечами. – Мне надо бы сперва сделать одно дельце.

Дон Рокко съежился немного на стуле, сильно замигал веками и как-то странно нахмурил лоб.

– Я сказал это, потому что уже поздно – пробормотал он

грубоватым, но робким тоном. – У меня как раз тоже есть дело.

– Проповедь? Неправда ли, проповедь, проповедь? – повторял тот машинально, глядя в раздумье на огонь. – Пожалуйста, – заключил он: – сделаем вот как. Я видел в гостиной перо, бумагу и чернильницу. Садитесь там и пишите свою болтовню. Я же тем временем, если вы будете так добры разрешить мне это, закушу здесь слегка, потому что вот уже шестнадцать часов, как у меня не было ни крошки во рту. Когда мы кончим свои дела, то поговорим.

Дон Рокко был сперва, по-видимому, не вполне согласен с ним. Но насколько он отличался пламенностью религиозного красноречия, настолько он был некрасноречив в мирских вопросах. Он сумел только съежиться и выразить тихим мычаньем какое-то сомнение, после чего, видя, что Моро продолжает молчать, он встал со стула с большими усилиями чем, если бы прилип к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.